

В. В. ВИНОГРАДОВ

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

ГРАММАТИЧЕСКОЕ
УЧЕНИЕ О СЛОВЕ

ВЫПУСК

I

УЧПЕДГИЗ МОСКВА
1938

В. В. ВИНОГРАДОВ

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

ВЫПУСК 1-й

ВВЕДЕНИЕ В ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ

Утверждено Наркомпросом РСФСР

ПОСОБИЕ ДЛЯ ЛИТЕРАТУРНО-
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА • 1938

СПИСОК ЗАМЕЧЕННЫХ ОПЕЧАТОК

Стро- ни	Строка	Напечатано	Следует читать
12	4 св.	необходимо	не необходимо
13	6 св.	ненужным	ненужны
25	5—4 сн.	Grunderiss der. vergleichenden	Grundriss der vergleichenden
27	20 св.	психологическое	психологистическое
40	24 св.	чем	что
52	15 св.	отличия	отличий
57	5—6 св.	1) слова с формами сказуе- мости, образующие часть	2) слова с формами сказуе- мости, образующие целые
58	20 св.	предметом	предметам
60	23 сн.	совершенном	современном
84	2 сн.	согласительного	соедлагательного
103	7 св.	преподносится	предносится
132	23 св.	сохраняет	сохраняется
132	31 св.	игра-ть, вы-игра-ть	игра-ть, вы-игра-ть
140	6—7 св.	скопления	склонения
154	11 сн.	синтаксически	синтаксическая

1. СЛОВО КАК ОБЪЕКТ ГРАММАТИКИ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ СЛОВ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ РУССКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ШКОЛ КОНЦА XIX В. И ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.

1. УЧЕНИЕ О СТРУКТУРЕ СЛОВА КАК ОСНОВА ГРАММАТИКИ.

Грамматика — это система норм и категорий, определяющих приемы и типы строения слов, основанную на них группировку слов по классам и разрядам, принципы структурных связей и соотношений между этими классами и разрядами, а также формы сочетания слов в синтагмы (словосочетания) и предложения, виды предложений и формы их композиционных объединений в процессе речи. Таким образом, грамматика изучает структуру четырех основных языковых единств: 1) слова; 2) словосочетания, или синтагмы; 3) предложения; 4) замкнутого синтаксического ряда, периода.

Учение о структуре слова составляет задачу морфологии. «Морфология представляет, так сказать, инвентарь отдельных категорий слов и их форм, а синтаксис показывает все эти слова и формы в их движении и жизни — в составе речи»¹. Естественно, что учение о слове — при описании системы современного русского языка — должно предшествовать как учению о словосочетании, так и учению о предложении.

Всестороннее раскрытие понятия о слове, конечно, должно включать критический обзор грамматических учений. Но общие структурные признаки слова целесообразно наметить теперь же, чтобы яснее были критерии оценки выдвигавшихся в этой области теорий. В слове современного русского литературного языка структурно объединены разные значения и формы — грамматические (фономорфологические, синтаксические), лексические (обозначение чего-нибудь, система вещественных значений, разнообразные связи с теми или иными фразовыми сочетаниями), экспрессивные, стилистические и др. Большая часть слов (именно все, относящиеся к так называемым «частям речи») является прежде всего назва-

¹ В. А. Богородицкий, *Общий курс русской грамматики*, изд. 3-е, Казань 1911, стр. 276.

ниями, номинативными знаками какого-нибудь содержания из мира материальной действительности или из сферы социальной идеологии и психологии. В. И. Ленин, составляя конспект книги Л. Фейербаха «Изложение, развитие и критика философии Лейбница», выделил отметкой — «хорошо сказано» — такое рассуждение Фейербаха о сущности названия: «Чувственное восприятие дает предмет, рассудок — название для него... Что же такое название? Служащий для различения знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы припомнить его в его целостности»¹. Будучи различительным знаком, слово в то же время является вместилищем, средоточием значений, отражающих в своей смысловой связи присущие коллективу принципы сочетания, сопоставления и объединения идей, эмоций, предметов, процессов, признаков, качеств, отношений. Вместе с тем слово представляет собой структурно-речевое единство — или образующее речь высказывание (предложение), или выделяемое из речи как предельный, лексически целостный ее член, соотносительный с другими членами. Как структурно-речевое единство, слово является системой фонем и морфем, организованной по законам грамматики данного языка. Таким образом, структура слова в современном русском языке очень сложна. Элементы этой структуры тесно связаны и семантически объединены. Между грамматическими и лексическими формами слова существует непосредственное соотношение и взаимодействие. Всякое упрощение, всякая схематизация сложной структуры слова ведет к односторонним и ошибочным грамматическим построениям и к искажению языковой перспективы.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ СОВРЕМЕННЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ.

В центре грамматики современного русского языка стоят вопросы о слове как объекте грамматики, о грамматических классах слов, о грамматической форме и грамматической категории. От решения этих вопросов зависит все освещение морфологической и синтаксической систем языка. Но современная русская лингвистика еще не добилась твердых ответов на эти коренные вопросы грамматики, еще не достигла ясных и точных формул, отражающих всю сложность живых языковых процессов. Больше того: в господствующей грамматической традиции нередко наблюдается в сфере этих основных проблем отход от многих конкретных достижений грамматической мысли XIX в. Грубый и наивный эмпиризм, смешанный с формализмом, в понимании структуры слова, склонность к схоластическим спорам о существовании грамматической формы, смешение вещественно-логических и грамматических критериев в классификации слов, отрыв грамматики от словаря и от семантики живого

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, Партиздат, стр. 84.

языка, пренебрежение к социальному многообразию стилистических расслоений речи, схематизм и штампованная традиционность грамматических квалификаций,— вот серьезные болезни большей части современных грамматических систем. Поэтому целесообразно обозреть главные, наиболее влиятельные, направления второй половины XIX в. и первой трети XX в. в разработке грамматики русской литературной речи, прежде чем излагать систему морфологии современного русского языка.

Конечно, во многом современная грамматика еще носит отпечаток грамматической рационализации XIX в. Труды А. Х. Востокова, Н. И. Греча, Г. П. Павского, К. С. Аксакова, И. И. Давыдова, Ф. И. Буслаева, Н. П. Некрасова продолжают быть источниками (иногда замаскированными) многих современных грамматических объяснений и теорий, хотя обычно терминология и детали меняются. Уже К. С. Аксаков поставил проблему грамматической формы во всей ее глубине, осудив в «Исторической грамматике» Буслаева метод абстрактного «приложения к языку понятий, не находящих язычного выражения». «Разделение слов,— писал Аксаков,— должно быть не по внутреннему значению, ими выражаемому,— тогда это было бы разделение самих понятий и предметов,— а по той форме, которая им дается самим словом. Основанием деления должно быть само слово, и ничто другое... Надо принять за правило: что не нашло себе отдела, особой формы, особого выражения в самом слове, то не должно и не может войти в грамматику».¹ «В языке только то движение мысли важно для грамматики, которое получило язычное выражение; но все, что в языке получило выражение,— уже непременно относится к логике. Язык мыслит... мыслит сам в себе; но если мыслит, то логически»². Если внести ту поправку, что мыслит, конечно, не язык, а говорящее на языке общество в его классовой и социально-групповой дифференциации, и что язык, как социальная конструкция, внутренне связан во всех своих элементах, то нельзя не признать эту постановку проблемы формы и содержания в грамматике на почве изучения русского языка чрезвычайно глубокой.

Борясь с абстрактно-логическими построениями в области грамматики, когда «покидается область слова и переносится дело в область отвлеченных понятий», когда «прилагаются к языку такие понятия, которые в языке выражения язычного не находят», Аксаков склонялся к необходимости резкого методологического отграничения морфологии (учения о грамматических формах слова) от синтаксиса, но считал чрезмерное увлечение формальным сравнительно-историческим методом особенно опасным для морфологии (и лексикологии). Лишь «там, где является уже деятельность самого слова, его изменения: склонения, спряжения и пр., там уже нет такого разгула для мысли; там сравнительный способ входит в свои пределы... там он непременно и существенно важен». Однако как бы предчувствуя крайности формалистических учений (вроде системы Ф. Ф. Фортунатова), Аксаков рекомендует «руководствоваться не только внешней стороной флексии, но столько же или еще более — смыслом самого употребления». «Сходство, основанное на сходстве флексии и на сходстве смысла ее употребления,— едва ли может быть ошибочно»³.

Вместе с тем Аксаков очень тонко и точно проводил пограничную черту между грамматикой и словарем, а также этимологией, как частью исторической лексикологии, различая продуктивные (грамматические) и непродуктивные (этимологические) формы словообразования и словоизменения: «Невозможность

¹ К. С. Аксаков. Опыт русской грамматики. (Полное собрание сочинений К. С. Аксакова, М. 1875. Сочинения филологические, ч. 2, стр. 20—21, стр. 54.)

² К. С. Аксаков, Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева. Сочинения филологические, ч. 1, стр. 536.

³ «Сочинения филологические», ч. 1, стр. 530.

для окончания свободно примыкать и отделяться есть... принадлежность окончаний этимологических, или словопроизводных. Окончания же грамматические живы и переходят от слова к слову, в иных словах кристаллизуясь и теряя свое значение»

Но как ни интересны и как ни плодотворны были бы исторические разоблачения архаических основ современной грамматической теории и как ни увлекательна задача воскрешения свежих идей и материалов, похороненных под фундаментом ортодоксальной сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков и примыкавшей к ней описательной грамматики русского языка, — еще настоятельнее и неотложнее необходимость детального критического разбора живых и взаимно враждебных, противоречивых грамматических направлений современности.

3. ГРАММАТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ А. А. ПОТЕБНИ И ЕЕ ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ФИЛОСОФСКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ.

Роль А. А. Потебни и его школы в истории русского языкознания необычайно велика. Потебня произвел переворот в грамматических теориях, которыми до него питалась наука о русском языке. Углубление учения о слове, о грамматической форме и грамматической категории, интерес к синтаксическому и семантическому исследованию элементов речи — все это вносило новую, свежую струю в изучение русского литературного языка. В самой грамматике обнаруживались источники и формы художественно-языкового творчества. Уже Ф. И. Буслаев боролся против сухого логицизма, рационалистического априоризма и антиисторизма грамматических систем конца XVIII и первой половины XIX в., но мог противопоставить им лишь схематические чертежи исторической эволюции разрозненных языковых явлений, нередко рассматриваемых и оцениваемых под традиционным углом грамматического зрения. К. С. Аксаков, вооруженный гегельянской философией, с необыкновенной остротой вскрыл теоретическую бедность и отсталость «Опыта исторической грамматики русского языка» Буслаева². И вот, в учении Потебни, увлеченного лингвистическими теориями Вильгельма Гумбольдта и Штейнталя, открылся сложный и разнообразный мир творческого мышления, отражающегося в слове и непрестанно преобразующего грамматическую и лексическую систему языка. Семантика становилась «душой» грамматики, а методом семантического анализа — субъективно-идеалистический психологизм с оттенком интуитивизма.

Грамматические идеи Потебни послужили основой синтаксической системы Д. Н. Овсянико-Куликовского, во многом определили путь синтаксических наблюдений А. М. Пешковского и дали сильный импульс грамматическим исследованиям акад. А. А. Шахматова. Однако никто из русских последователей и продолжателей Потебни не связал так тесно и прочно грамматические вопросы, вопросы языковой техники, с формами мышления и познания, как

¹ «Сочинения филологические», ч. 2, стр. 56—57; ср. также стр. 70, 74, 531.

² Там же, ч. 1 и критический разбор «Опыта исторической грамматики» Ф. И. Буслаева, ч. 1.

сам Потебня, который писал: «Как на вопрос о причине такой-то формы стружки, муки и т. п. можем ответить, отвлекаясь от свойства вещества и работы, лишь указанием на форму струга, мельницы с ее жерновами и ситами и т. п., так, отвечая на вопрос о причине такой-то формы нашего знания, нельзя миновать указания на образуемые и образующие формы языка, каковы слово, предложение, часть речи; ибо этими формами различно, смотря по языку и его поре, делится и распределяется все мыслимое,ходящее до нашего сознания»¹.

Потебня строил свою грамматическую систему, исходя из лингвистических взглядов Вильгельма Гумбольдта и Штейнталя. С характерным для Гумбольдта пониманием речи как творческой деятельности был связан обостренный интерес к синтетическим актам и формам языка. Поэтому в концепции Гумбольдта особое место заняла теория предложения². «Душой» предложения Гумбольдт, в согласии с традицией, объявил глагол, которому «акт синтетического сказывания (собственно «предлагания» — по связи с «предложением» — «Setzen», «Satz») присущ как грамматическая функция». «Между глаголом и остальными словами, попадающими в простое предложение, — писал Гумбольдт, — резкая разница, которая не позволяет ставить его на одну доску с ними. Все остальные слова предложения представляют собою, так сказать, мертвый, еще только подлежащий соединению материал, — один глагол является не только живым, но и животворящим средоточием»³. Так определяется в системе Потебни приоритет предложения над словом, вырастает идея органического единства между «частями речи» и «членами предложения», и глагол становится осью грамматического мышления. Вместе с тем от Штейнталя (а также от Макса Мюллера) Потебня воспринимает учение о предикативности, о сказуемости как о первичной организационной форме самостоятельного слова. «Всякое наименование, — писал М. Мюллер, — есть классификация, есть подведение единичного под родовое, и все, что знаем — эмпирически или научно, — мы знаем только благодаря нашим общим идеям... Всякое слово есть первоначально сказуемое предмета»⁴. Точно так же Штейнталь (вслед за Гумбольдтом) видел в первобытном слове (Wurzelwort) слово-предло-

¹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. III, Харьков 1899, стр. 641. Характерно, что Гумбольдт также в понятие формы языка включает и его семантические особенности, самую технику мышления. Ср. у Гумбольдта, О различии организмов человеческого языка (русский перевод, СПб 1859): «Постоянное и однообразное в этой деятельности духа, претворяющей органический звук в выражение мысли, без понято в полной совокупности и представлено систематически, составит то, что мы называем формой языка» (41—42).

² Wilh. v. Humboldt, Ueber die Kawisprache auf der Insel Jawa, Berlin 1836, Bd I, 266.

³ Там же, т. I, стр. 267. Ср. также каталог определений предложения у разных грамматиков в книге J. Ries «Was ist ein Satz», Prag 1931, 208—224.

⁴ Max Müller, Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, für das deutsche Publicum bearbeitet, Leipzig 1866, I, 331.

жение, а «слова развитого языка» рассматривал (пользуясь остроумным выражением Гербарта) как «мусор», образующийся от выпадения элементов из состава предложения. Вследствие постоянного перекрещивания суждений «предложения разрезаются на части, так что слова подлежащего и слова сказуемого расщепляются в сознании из единства суждения. То же самое делается с атрибутивными и объективными (т. е. дополнительными) словами»¹

Штейнталь очень тонко и глубоко намечает приемы и принципы лингвистического исследования этого «мусора» в отличие от целого «строения или здания» (речи, предложения). Ощущение слова, как «искусственного препарата», в отличие от предложения, как законченного единства, было неотделимо от лингвистического проекта Штейнталя. Каждый кусок словесного материала, по Штейнталю, имеет на себе следы разносторонней спайки, связи с другими, и один и тот же способ связи обнаруживается на нескольких камнях и балках (ведь в общем строении камень касается других камней всеми своими сторонами). Так отделяется материал от «спаек», от методов соединения. Следовательно, к языковому мусору относятся материал и спайки, по которым и определяется структурная роль слов в составе целого. Отсюда — взаимодействие грамматики и лексикологии. И та и другая имеют дело, в сущности, с одним и тем же предметом исследования, но трактуют его неодинаково. Лексиколог разбирает самый материал, хотя не обходится без того, чтобы на каждом камне (т. е. слове, идиоме, фразе) не отмечать форму спайки, не изучать его возможных связей, а грамматист исходит в своем исследовании от наблюдений над методами спаивания, однако не может при этом не указывать и на самый материал². Такое понимание взаимодействия грамматики и лексикологии предопределило концепцию грамматической формы и в системе Потебни. Понятие «внутренней формы», центральное в учениях Гумбольдта и Штейнталя, было перенесено Потебней на почву грамматики³, и в этом аспекте грамматическая форма у него сливается с понятием категории «грамматического мышления»⁴.

Вместе с тем для Штейнталя точно так же, как и для Гумбольдта, не существовало слов с различными значениями, так как всякое употребление слова было связано с отдельным представлением, с новым контекстом⁵. Потебня эту мысль выразил так:

¹ H. Steinthal, *Grammatik, Logik und Psychologie, ihre Prinzipien und ihre Verhältnisse zu einander*, Berlin 1885, 347.

² Там же, 349.

³ Гумбольдт определял внутреннюю форму очень широко — как способ применения внешней звуковой формы к обозначению предметов мысли и выражению связи мыслей.

⁴ H. Steinthal, *Grammatik, Logik und Psychologie*, 341: «Denken, das sich nach grammatischen Gesetzen bewegt».

⁵ «Zeitschrift für Völkerpsychologie», I, 426. Критическую оценку концепции Штейнталя дает Herm. Paul, *Prinzipien der Sprachgeschichte*, 4 Aufl., Halle a. S. 1909, 77—78 (изд. 1-е, Halle a. S., 1880, 85). Ср. у Гумбольдта:

«Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т. е. каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения»¹.

Учение Потебни о грамматических формах и категориях языка тесно связано с его общей концепцией языка, речи и слова. Язык — это поток непрерывного словесного творчества, вмещенный в определенный коллективный (национальный, социально-групповой) контекст. «Общее между говорящим и слушающим условлено их принадлежностью к одному и тому же народу»². Примечание разъясняет эту формулу: «Слово *народ* употреблено здесь для краткости. Круг единства понимания известного слова может быть гораздо теснее отвлеченного понятия «такой-то (русский и пр.) народ». В рамках этого коллективного русла, которое, однако, у Потебни чаще всего сливается с понятием нации, язык представляет непрестанно меняющееся, подвижное, но сохраняющее цельность структурное единство форм выражения и мышления. «В каждый момент речи наша самодеятельность направляется всею массою прежде созданного языка, при чем, конечно, существует разница в степени влияния одних явлений на другие» (36). «Речь... существует лишь как часть большего целого, именно языка. Для понимания речи нужно присутствие в душе многочисленных отношений данных в этой речи явлений к другим, которые в самый момент речи остаются, как говорят, «за порогом сознания», неосвещаясь полным его светом» (34—35). В языке, как одной из структурных форм творчества культуры, все взаимно связано и взаимно обусловлено. Вместе с тем в языке все оформлено. «Язык есть... форма мысли, но такая, которая ни в чем, кроме языка, не встречается» (63). «Содержание языка состоит лишь из символов внеязычного значения и по отношению к последнему есть форма» (65). «Формальность... свойственна всем языкам, все равно, имеют ли они грамматические формы или нет» (8). Контекст языкового целого служит смысловым фоном для осуществления речи.

«Речь — в определении Потебни — синоним принятого теперь термина «высказывание». Речь — это основная форма употребления языка, это — целостная, живая, конкретная форма твор-

«Истинная индивидуальность заключена только в лице, говорящем в данное время. Никто не понимает слово именно так, как другой... Всякое понимание есть вместе с тем непонимание, всякое согласие в мыслях — вместе с тем разногласие» («Ueber das vergleichende Sprachstudium». Gesammelte Werke, III, 261—262). Ср. также тезис Гумбольдта: «Размен речи и понимания не есть передача данного содержания (с рук на руки); в понимающем, как и говорящем, это содержание должно развиваться из собственной внутренней силы; все, что получает первый, состоит только в гармонически настраивающем его возбуждении» (там же, стр. 54—55).

¹ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, Харьков 1888, стр. 3.

² Там же, стр. 9. В дальнейшем все указания страниц делаются по этому изданию. В цитатах из Потебни сохраняется своеобразие орфографии самого Потебни (слияние отрицания не с глаголами, прилагательными и наречиями в одно слово).

чешской реализации языка, который в ней и для нее преобразуется, проходя через бесконечные стадии становления. Будучи структурной «частью большего целого, именно языка», речь в то же время индивидуальна. «В действительности... есть только речь. Значение слова возможно только в речи. Вырванное из связи слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни, тем более, формальных свойств, потому что их не имеет (Humboldt. Ueber Verschiedenheit 207; Steinthal, Charakteristik, 318—319; Буслаев, Грамматика, § 1)» (32). «Что такое речь, это может быть определено только для каждого случая отдельно». Она «вовсе нежизненна с простым или сложным предложением»... «Она есть такое сочетание слов, из которого видно, и то... лишь до некоторой степени (так как ведь полностью значение всех речевых элементов раскрывается лишь на фоне всего языка, — В. В.), значение входящих в него элементов» (32). Ведь «если незахотим придать слову *речь* слишком широкого значения, то должны будем сказать, что и речи, в значении известной совокупности предложений, недостаточно для понимания входящего в нее слова» (34). Лишь контекст языка в целом определяет и решает все. Понятно, что «настоящее живое слово» (32) для Потебни является лишь составным элементом речи, в которой оно реализуется. В отрыве от речи оно — «искусственный препарат». Вне конкретного «высказывания» слово, как лексическая единица, есть лишь точка приложения множества осуществленных в известной последовательности значений, однозвучный комплекс, в котором искусственно объединены, посредством априорного отвлечения и сближения, несколько отдельных языковых форм («омонимов»). Такое словарное слово — «экстракт, сделанный из нескольких различных форм» (33). «Общее значение слов как формальное, так и вещественное, есть только создание личной мысли и действительно существовать в языке не может» (33) «Это общее — лишь сокращение, а не неизменная субстанция, окруженная изменчивыми признаками» (3). «Между тем действительная жизнь... слова совершается в речи... Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т. е. каждый раз, как произносится, или понимается, имеет не более одного значения» (3). Поэтому Потебня считает, что «малейшее изменение в значении слова (как формальное, например *верста*, *версты*, *версте* и т. п., так и вещественное. — В. В.) делает его другим словом». Итак, многозначных слов нет. «На деле есть только однозвучность различных слов, то-есть то свойство, что различные слова могут иметь одни и те же звуки» (4). Язык кишит омонимии. В сущности, всякое новое употребление слова равносильно созданию нового слова. «В слове все зависит от употребления. Употребление включает в себя и создание слова, так как создание есть лишь первый случай употребления» (32). «Откуда бы ни происходила родственная связь однозвучных слов, слова эти относятся друг к другу, как предыдущие и последующие» (4).

Нетрудно заметить, что в этой порочной насквозь индивидуалистической концепции не дооцениваются осознанные коллективом и реализуемые им в разных контекстах, более или менее «константные», устойчивые семантические формы слова. Субъективно-идеалистическое отношение к слову, как к индивидуально-неповторимому акту духовного творчества, закрыло перед Потебней социальную общность лексемы как средства речевой коммуникации, отражающего действительность и — вместе с тем — отношение к ней целого человеческого коллектива¹. Психологическое и, следовательно, генетическое понимание творческого языкового процесса побудило Потебню истолковать разные значения одного слова как последовательный ряд возникающих друг из друга и опирающихся один на другой мыслительно-речевых актов: «Собственное значение слова (обычно противопоставляемое значению переносному, — В. В.) есть все значение предыдущего слова по отношению к последующему, а где нетребуются особенной точности, даже совокупность предыдущих значений по отношению к нескольким последующим» (6). Потебнианская концепция слова, исключающая принцип «многозначности», не позволяет говорить ни о собственном, ни о переносном значении одного и того же слова: «Предыдущее значение есть для нас значение не того слова, которое рассматриваем, а другого. Каждое значение слова есть собственное и в то же время каждое, в пределах нашего наблюдения. — производное, хотя бы то, от которого произведено, и было нам неизвестно» (6). Поэтому семантическую структуру слова Потебня изображает только в процессе его становления и употребления. Слово как творческий акт речи и познания, а не как коммуникативная единица языка, занимает Потебню. Такое слово состоит из трех элементов: звука (или комплекса звуков), знака, или, представления, и значения. «Звук в слове — форма знака, это, так сказать, знак знака» (5). Знак покоится на значении прежнего слова. Например, в слове *арбузик*, которым ребенок назвал абажур, признак шаровидности, извлеченный из значения слова *арбуз*, и образует «знак значения этого слова» (6). Таким образом, все три структурных элемента — комплекс звуков, знак, или представление (признак шаровидности, общий арбузу и абажуру), предметное значение (абажур) — в слове *арбузик* оказываются налицо. «Знак в слове есть необходимая (для быстроты мысли и для расширения сознания) замена соответствующего образа или понятия,

¹ Култ конкретной единичности доходил у Потебни до сомнения в существовании единства и целостности человеческой личности, так как «личность, все «я» есть тоже обобщение содержания, изменяющегося каждое мгновение». Реальны для Потебни только эти сменяющиеся содержания. «Мысль и язык», 1913, стр. 217—218. См. также характеристику учения А. А. Потебни в брошюре Т. Райнова «А. А. Потебня», П. 1924, и в статье Д. Н. Овсяннико-Куликовского «А. А. Потебня как языковед-мыслитель», «Киевская старина», VII, 1893. Ср. субъективно-идеалистический индивидуализм Гумбольдта.

он есть представитель того или другого в текущих делах мысли, а потому называется представлением» (7)¹.

Представление — «непременная стихия возникающего слова; но для дальнейшей жизни слова оно необходимо» (7). Ср., например, слово *рыба* (в применении к рыбе) в противоположность слову *рыба*, обозначающему холодного, флегматического человека. Третий элемент слова — значение — не есть понятие и не есть образ. Сравнительно с содержанием соответствующего образа и понятия значение пусто и в этом смысле формально (8—9). В сущности, представление и значение, по мысли Потебни, можно объединить в понятии внутренней формы слова (т. е. «способа представления внеязычного содержания») в отличие от внешней звуковой формы слова. Но эта тройственность элементов слова не исчерпывает всей его смысловой структуры. Остается нераскрытым формальное значение слова, его грамматическая форма. Слово в языках такого типа, как русский, включено в систему грамматических категорий, т. е. основных грамматических понятий, определяющих «строй языка». «Говорить на формальном языке — значит систематизировать свою мысль, распределяя ее по известным отделам» (27). В таком языке каждое слово «носит на себе печать определенной грамматической категории» (52). «Слово заключает в себе указание на известное содержание, свойственное только ему одному, и вместе с тем указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями, под которые содержание этого слова подводится наравне с содержанием многих других. Указание на такой разряд определяет постоянную роль слова в речи, его постоянное отношение к другим словам», его грамматическую форму (25). Следовательно, в семантической структуре слова с вещественным, лексическим значением сочетается формальное, грамматическое, нередко выражаемое аффиксами самого этого слова. «Как вещественные значения, так и формы должны быть рассматриваемы как средства и вместе акты познания. Если мнѐ, как мы верим, неисчерпаем для познания, и если верно, что не может быть найдено пределов лексическому развитию языка, то нельзя назначить и черты, ограничивающей количество и качество возможных в формальном языке категорий» (50).

Таким образом, грамматическое функционирование слова в речи определяется системой изменчивых и подвижных грамматических категорий, конструирующих формальный строй языка и отражающих заложенную в нем «классификацию образов и понятий» (27). «Формальность языка есть существование в нем общих

¹ Необходимо запомнить предупреждение Потебни относительно этого, заимствованного им у Штейнталя употребления слова «представление» («Vorstellung»): «Этого значения слова «представление», значения, имеющего особую важность для языкознания и обязанного своим происхождением наблюдению над языком, не следует, смешивать с другим, более известным и менее определенным, по которому представление есть то же, что восприятие или чувственный образ, во всяком случае — совокупность признаков». «Из записок по русской грамматике», I—II, стр. 7.

разрядов, по которым распределяется частно отнюдь не совпадают одновременно с своим появлением в мысли» (53) игнорирует ряды, иначе — формальные категории языка, отнюдь не совпадают с логическими категориями мышления. «Грамматических категорий несравненно больше, чем логических» (62). Например, «категории предмета и его признака ненужным для логики, для которой и то и другое — только понятия, совокупности признаков» (61). С другой стороны логика — в отличие от грамматики — игнорирует индивидуальные своеобразия строя мысли, выразившегося в том или ином национальном языке. «Индивидуальные различия языков немогут быть понятны логической грамматике, потому что логические категории, навязываемые ею языку, народных различий не имеют» (62). Отсюда Потебня заключает вместе со Штейнталем и вопреки предшествующей русской философско-грамматической традиции, что «грамматика ничуть не ближе к логике, чем какая-либо из прочих наук» (63). Грамматические категории, вопреки логическим, тесно связаны с вещественным содержанием данного языка. В формальных языках «есть, а прежде было больше недостаточно одухотворенных категорий, т. е. таких, в которых вещественное содержание слова недостаточно отделено от его формы» (56). Вместе с тем грамматические категории языка изменчивы. «Нет ни одной неподвижной грамматической категории» (76). «Понимая язык как деятельность, невозможно смотреть на грамматические категории, каковы глагол, существительное, прилагательное, наречие, как на нечто неизменное, раз навсегда выведенное из всегдашних свойств человеческой мысли. Напротив, даже в относительно небольшие периоды эти категории заметно меняются» (76).

Будучи основными организационными формами языковой мысли, эти грамматические категории возникают, развиваются, изменяются в том высшем грамматическом целом, в той словесной конструкции, которая первоначально совпадала со словом и с «речью» (с «словоречью», так сказать) и которая, несмотря на все исторические превращения, продолжает быть главной структурной основой речи, нередко даже исчерпывающей всю речь, все высказывание, — именно в предложении. Единство и целостность речи, как основной единицы языка, базируются на структуре предложения. Первообразное нерасчлененное словопредложение, обнимавшее собою всю речь, было универсальной, но бесформенной единицей языка, еще не выработавшего грамматических категорий. Это было, в сущности, не предложение, а «психологическое (не логическое) суждение при помощи слова». Между тем «простейшее предложение наших языков заключает уже в себе грамматическую форму, оно появляется в языке вместе с нею» (76). Грамматические формы и категории не только возникают и изменяются в предложении, но и организуют и изменяют само предложение. Если предложение — сложный продукт языкового синтеза, то и грамматические категории, будучи тоже следствием синтеза, в то же время «имеют синтез своею грамматическою функ-

цией» (52). «Образование и изменение грамматических форм, составляющих формальное (грамматическое) содержание предложения, есть другое название для изменения самого предложения, т. е. того ближайшего целого, в коем совершается жизнь этих форм» (76). «С изменением грамматических категорий неизбежно изменяется и то целое, в котором они возникают и изменяются, именно предложение, подобно тому как неизбежно форма устойчивой кучи зависит от формы вещей (например кирпичей, ядер), из коих она слагается, как неизбежно форма и определение общества изменяется вместе с развитием особей» (76—77).

Итак, структура грамматических категорий и структура предложения взаимно обусловлены и соотносительны в своей исторической изменчивости. Потебня с необыкновенной яркостью и убедительностью развивает мысли Гумбольдта, Гейзе и Штейнталя, что «грамматическое предложение вовсе нетождественно и непараллельно с логическим суждением» (61) и что определение современного грамматического предложения, как «словесного выражения психологического суждения», по своей бессодержательности равносильно определению «Сократа как особи зоологического вида *homo sapiens*¹, или нынешнего государства... как человеческого стада» (77).

Грамматическое предложение, как исторически изменчивая основная конструктивная форма речи, в современном языке немыслимо без «частей речи». Это — самые общие, синтетические, основные категории языка. «Существенный признак предложения в наших языках состоит в том, что в предложение входят части речи; если их нет, то нет и нашего предложения» (64). Таким образом, в связи с грамматическим строем предложения формируются главные грамматические категории, главные грамматические разряды слов, «части речи». Как уже сказано выше, взгляд Гумбольдта и Штейнталя на глагол и предикативность слова предпринял определение предложения в концепции Потебни: центр предложения — глагол, *verbum finitum*. «Главное (независимое от другого) предложение невозможно (кроме случаев опущения глагола) без *verbum finitum* (т. е. глагола в собственном смысле, без причисления к нему причастных форм)... Само по себе *verbum finitum* составляет предложение» (77—78). «Maximum определения предложения данного момента языка (с оговоркою «сколько нам известно») было бы синтезом синтаксиса этого языка» (78). Анализ предложения и его членов раскрывает систему «частей речи» и всех других грамматических категорий, с ними связанных. Так, в сфере грамматики слово как «часть речи», как грамматически оформленный элемент речи, определяется через структуру предложения — по своей функции в системе его членов. Члены предложения и части речи соотносительны. Определение членов предложения, по мнению Потебни, «может быть удовлетво-

¹ Ср. иной психологический подход к предложению как к выражению психологического суждения у Ф. Ф. Фортунатова и его учеников (а ранее у повлиявших на Фортунатова Н. Paul и Georg von der Gabelentz).

рительно только в случае, если будет вместе с тем определением частей речи», функция которых — быть соответствующими членами предложения (67). Семантические формы слова находят свое полное выражение в речи, а грамматические формы слова — в предложении.

Отсюда становится ясным, что для Потебни с сфере грамматики синтаксис является решающим. Ведь грамматические категории вполне постигаются лишь в синтаксисе. Понятие синтаксиса для Потебни сочетается с понятием общего смыслового контекста языка, всей языковой структуры. Поэтому Потебня готов расширить сферу синтаксиса до синтаксической точки зрения, распространяющей как на учение о вещественном значении слов, так и на учение о грамматических формах и функциях. В этом смысле синтаксическая точка зрения Потебни соответствует описательно-систематизирующей «синхронической лингвистике» де-Соссюра. Но она лишена того антиисторизма, которым грешит синхронический метод Соссюра и его школы. Синтаксическая точка зрения Потебни (в отличие от этимологической) состоит в том, что всякое явление языка познается и осмысливается не изолированно, а в контексте всего языка, в сочетании с другими явлениями (38). Она предполагает глубокое освоение системы языка в целом. Синтаксическая точка зрения базируется на «описании современного состояния» (38), и в этом смысле «синтаксис есть момент истории языка». Отсюда ясно, что Потебня вовсе не отрицает исторического изучения синтаксических явлений. Его парадоксальный тезис о немыслимости «исторического синтаксиса» афористически выражает ту мысль, что контекст языка в целом постигается лишь в синхроническом аспекте, что такое «синтаксическое», т. е. структурное, функциональное осмысление языковой системы во всем многообразии связей ее элементов не нуждается в предварительных этимологических разысканиях, а, напротив, является их основой. Ведь этимологическая точка зрения, изучающая генезис и историю вещественных и формальных значений слов, не может обойтись без синтаксического осмысления тех форм, на почве которых возникли соответствующие слова и категории. Например, «показывая, чем было неопределенное наклонение, прежде чем стало самим собою, мы говорим не о нем, а о других формах. Конечно, слова предшествующие по отношению к данному тоже должны быть определены синтаксически» (38). Иначе говоря, история формы невозможна без понимания ее «синтаксических», ее структурных функций в хронологически разобщенных языковых контекстах. Таким образом, синтаксис в широком смысле этого слова — опора и основа всякой истории языка.

На таком семантическом и синтаксическом фоне, освещенном образами речи и предложения, выступают в системе Потебни понятия грамматической формы слова и грамматической категории. Грамматическая форма — понятие синтаксическое *par excellence*. Большинство лингвистов, стоявших на позициях сравнительно-исторического метода, понимали и понимают грамматическую форму

слова наивно-эмпирически и морфологически, связывая ее с аффиксами в строении отдельного слова. Для Потебни эта абстрактно-морфологическая точка зрения была неприемлема уже по одному тому, что она механически отрывала слово от речи и от целостного смыслового контекста языка, от его «мысли». Грамматические категории органически связаны со всей семантической структурой языка, со всем его грамматическим строем, а следовательно — и со всем присущим данному языку строем мысли. Поэтому они могут выражаться не только формальными элементами слова, но и его синтаксическими связями, его семантическими функциями в речи, иногда даже местом соответствующего разряда слов в общей системе языка. «Нет формы, присутствие и функция коей узнавались бы иначе, как по смыслу, т. е. по связи с другими словами и формами в речи и языке» (36). Слова, которые по внешности кажутся бесформенными, на самом деле являются «словами с совершенно определенной грамматической функцией в предложении» (31). «Мысль в формальном языке никогда не разрывает связи с грамматическими формами: удаляясь от одной, она непременно в то же время создает другую. Синтаксические отношения формы всегда согласны с нею самою: она ведь и узнается по этим отношениям» (41). «Если, при сохранении грамматической категории, звук, бывший ее поддержкою, теряется, то это значит... что мысль ненуждается более в этой внешней опоре, что она довольно сильна и без нее, что она пользуется для распознавания формы другим более тонким средством, именно знанием места, которое занимает слово в целом, будет ли это целое речью или схемою форм» (58). Вместе с тем Потебня подчеркивает структурную спаянность лексических и грамматических форм в слове. «Конечно, не звуки слова и не его вещественное значение составляют его грамматическую функцию, а именно его формальное значение» (67). Лексические изменения в слове «ненаходятся в непосредственной зависимости от грамматической формы, но они могут сами влиять на нее» (92). Следовательно, в языке такого строя, как русский, нет слов, грамматически не оформленных, т. е. не подводимых ни под какую категорию. Форма — это функциональная определенность употребления слова в речи. И в этом плане «стирание флексий» не может означать ни утраты или уменьшения количества грамматических форм, ни потери формальности в языке (52). «Ежеминутно распределяя содержание своей мысли в языке по разрядам, невозможно утратить привычки к такой классификации, а, напротив, можно только все более и более укоренять в себе эту привычку» (53). Ведь «изменчивость и подвижность мысли в языке гораздо более изменчивости звуков» (22).

Вывод ясен: грамматическую форму слова нельзя отождествлять со «звуком» в слове (т. е. с его аффиксами) или с отсутствием аффикса, морфологически расцениваемым как знак категории (например, отсутствие окончания в имен. пад. слов *конь*, *стол* и т. п.), так как ведь «под частями данного слова следует разуметь как такие значения или их оттенки, которые изобрази-